

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН КУЗНЕЦОВ

ХРАНИТЕЛЬ ВРАТ

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1016

Художник
И. Воронин

Кузнецов Р.
К89 Хранитель Врат: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2268-5

Экспедиция «черных археологов» отправляется на поиски древних артефактов. Но, как оказалось, о сокровищах известно не только им. Да еще и древнее Зло пробудилось из мира Нави.

Колдуны, наемники и обыкновенные бандиты, интриги, кровь и смерть... События вихрем закрутились вокруг ничего не подозревающих ребят. Магия против современных технологий, древнее воинское искусство против новейшего оружия. Кому из наших героев удастся выйти живым из жестокой битвы? Смогут ли они победить?

Жаркий азарт смертельных схваток, подвиги и предательство, мужество и трусость, радость побед и горечь поражений и конечно же хорошая доля юмора сопровождают опасные приключения героев этой книги...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Роман Кузнецов, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2268-5

ГЛАВА 1

Молчаливая ночь нависла над затерявшимся среди нагромождения черных валунов небольшим туристским лагерем. Крупная круглая луна загадочно мерцала в разрывах туч. Вылетевшие из своих укрытий в темных нехоженных пещерах летучие мыши, казалось, были готовы сесть на голову. То тут, то там из густой тени слышался треск и сопение спешащего по своим неотложным ночным делам дикого зверья. Остывающая земля гудела и вздрагивала: столько сил бушевало в ней, столько жизней загоралось и гасло во мраке.

У небольшого костерка молча сидели две фигуры, напряженно вслушиваясь в таинственные звуки ночи. Необъяснимый страх охлаждал душу.

— Слушай, Толич, — зябко передернул плечами сухой поджарый парень в старой прожженной штормовке с выцветшей нашивкой «КСП», — жутковато тут. Такое ощущение, будто на тебя из темноты все время таращится кто-то, наблюдает, как за добычей.

Парень поковырял палкой в лениво тлеющих углях, подняв сноп багровых искр, и продолжил:

— Это не первая наша экспедиция, но чтобы вот так тревожно на душе было — это впервые. Причем если бы только у меня, а то даже Крот нервничает. Вон погляди, как плотно палатки установили, и как стемнеет, сразу по норам. Когда такое было?

— Да, — протянул второй, — места здесь заповедные, мистические. Аномальная зона.

— Да ладно, это не первая наша аномальная зона. Мы с тобой уже лет десять по ним шастаем, но так, как тут, я себя первый раз ощущаю.

— Ну это не совсем обычная зона. Эти места издревле проклятой землей называли. До последнего времени местные этими горами детей пугали — мол, Кошей с горы спустится и заберет. Но с этими местами не только сказки, но и реальные истории связаны. Так, в Гражданскую тут целый отряд красноармейцев во главе с большой шишкой из Коминтерна пропал. Потом искали, но никого не нашли, а ходить сюда запретили. В Великую Отечественную здесь партизанский отряд был. Его немцы заперли, в пещеры загнали и методично долбили. Карательный отряд выслали. Специальный. Операцией руководил ближайший помощник самого Вольфрама Зиверса — генерального секретаря пресловутого «Аненербе», что в переводе значит «Наследие предков», одной из самых загадочных организаций нацистской Германии. Они тут чего-то рыли. Натащили оборудования. Его остатки мы видели у водопада и у входа в пещеру. Что они там нарыли, да и вообще что там произошло, никто толком не знает. Эсэсовцы оцепили все, никого не пускали. В архивах никакой информации нет, но местные ветераны говорили, что у немцев все пошло криво. Их главный из «Аненербе» сгинул в пещерах вместе со всем отрядом. Фрицы были вынуждены бросить свое оборудование и взорвать все, потом газ пустили. Или сначала газ, потом взорвали, не суть. Только сбежали они отсюда, это факт. Больше в эти места ни ногой.

— Слышал я эту историю, Паук рассказывал. Да еще подвывал так таинственно. Он вообще мастер страху замогильного нагнать. Про привидения всякие, души неупокоенные и прочую экстрасенсорную муть. Я думаю, проще все было. Партизаны в пещеры отступили, выкурить их оттуда не смогли. Побомбили сверху — не получилось. Посланный отряд был разбит. Тогда они пустили газ и взорвали все входы. Местность оцепили, а своим ходить сюда запретили, чтобы не отравиться. А все рассказы про привидения — лишь детские страшилки и журналистские «сенсации».

— Все может быть, — согласился собеседник. — А Паук рассказывал, что, согласно славянским преданиям, тут место битвы волхвов было. Якобы самого Кошея волхвы прижали, и сильнейшие колдуны сошлись не на жизнь, а на смерть. Говорят, их души до сих пор сшибаются в смертельной схватке и

иногда в тихую ночь из пещер доносится звон оружия и предсмертные крики.

— Что-то я ничего не слышу, хотя уже неделя прошла, как мы тут торчим, — излишне громко и саркастично произнес парень в штормовке и нервно поежился.

— А я и не утверждал, что они каждый день ристалище устраивают. Я сказал «говорят, что иногда слышно». Да ты не бойся, у меня оберег специальный есть. Мне его знакомый монах дал.

— Вот еще, сказок бояться. Я их в детстве наслушался. И про Кощея, кстати, далеко не самые страшные. У всяких там братьев Grimm пострашнее будет. Тем более что есть мнение, будто Кощей — собирательный образ из разных реальных исторических личностей. Одним из них был готский царь Германарих. Он как раз тут неподалеку ошивался. Прожил больше ста десяти лет, что с учетом средней продолжительности жизни той поры приравнивалось к бессмертию. А как иначе?! Правнуки раньше него померли, так наследства и не получили. Германарих постоянно воевал с Русью. Не всегда успешно, но активно. Набеги, погромы, рабство... Словом, не за что нашим предкам его любить было. Оттого и страшилки про него придумывали. Историки говорят, что был он худ, жилист и силен неимоверно. Скуп и жаден до крайности. Характер неуравновешенный. Чуть что не так — сразу на кол. Опять же до баб большой охотник. Таскал, где только мог. Из-за бабы в итоге и склеил лапы. Спер девку у какого-то там князя — и в бега. Братья в погоню. В стычке был ранен стрелой в ногу. Умер через полгода. И это в возрасте ста десяти лет! Мне бы такое здоровье! Так что все сходится. Никакой мистики.

— Воистину история — великая наука. Под любые легенды основание найти можно!

— А никто и не говорит о точном сходстве! Кощей — составной образ. Еще одним его прототипом был святой Касьян. Довольно мерзкая личность, надо признаться. Злой, завистливый, жестокий, подлый, алчный до трясушки. Но церковь присвоила почетное звание святого за большой вклад в дело порабощения славян и борьбу с язычеством.

— Да, историки в лепешку расшибутся, любые параллели найдут, но не скажут, что Кощей — сын Чернобога и Мары. Мы своей мифологии совсем не знаем. Греческую и то лучше.

Потому его наши сказочники с Аидом и сравнивают. Ну, еще с Ахиллесом иногда.

— А при чем тут Ахиллес?

— Ну как же. Тот тоже бессмертный. Его мама в Стикс опустила, и он пуленепробиваемым стал. Весь, кроме пятки, за которую она держала.

— Да... Тогда у Кощея мама не такая гуманная была...

— Тихо. Слышишь?

Со стороны дальнего входа в пещеру послышался шум падения камней.

— Может, из наших кто не утерпел?

— Из наших только Паук может. Он сегодня весь день странный был. Но Паук давно в палатке. Ее отсюда видно: никто не выходил.

Не сговариваясь, оба парня резко встали, схватили фонари и быстро зашагали в сторону палаток.

— Да все в порядке вроде, — произнес один из них, заглянув внутрь, — спальные на месте. Не пустые. Хотя...

Он протиснулся в палатку и толкнул спальник у дальней стенки.

— Блин! Муляж! Ушел, гад. Сам. Я знаю куда. Поднимай лагерь. Берем спасснарягу — и за мной. На сбор десять минут.

ГЛАВА 2

Николай Вениаминович Пауков, в просторечье Паук, аспирант МГПИ, археолог по образованию, разгильдяй, бунтарь и неряха. Обычный прожигатель жизни и родительских капиталов. Ни целей, ни принципов, ни жизненных ориентиров. Сплошная демагогия, непрекращающаяся борьба за личную свободу — за чужой, естественно, счет. Ну и нигилизм, как способ избежать ответственности. Словом, обычный российский студент с огромным самомнением и непоколебимой верой в свою уникальность и, как следствие, постоянным осознанием непонятности и недооцененности. При всем при том Николай обладал весьма светлой головой, умел мыслить образно, нестандартно, принимать небанальные, неожиданные решения. Однако в реальности это доставляло ему больше проблем, нежели приносило дивидендов. Его манера делать

все оригинально, во всем искать новые пути — от способов завязывания шнурков до оптимальных вариантов вскрытия консервов — часто приводила к печальным последствиям. Пытливый ум, тяга к смелым экспериментам в сочетании с плохо координированной жестикуляцией, резкими дергаными движениями являлись причиной многочисленных разрушений и скандалов во многих местах, куда он был по неосторожности приглашен. Стоило его пустить в дом — он обязательно что-нибудь разобьет, разольет, обо что-то споткнется... Причем чем жестче и дольше он старался себя контролировать, тем разрушительнее были последствия. Естественно, обладателю столь уникальных качеств довольно сложно найти себя в реальном мире. Компенсируя недостаток понимания, Николай уверенно и с головой погрузился в виртуальное пространство, где, собственно, и жил под грозным именем Паук, без сожалений заменив реальный мир на цифровой, где нет места обычным людям с их примитивным сознанием. Увы, несовершенная человеческая физиология вынуждала время от времени выныривать из глубин виртуального пространства и выбираться на жестокий берег объективной реальности. Дабы хоть как-то смягчить удар о действительность, Николай стал принимать наркотики. Его судьба медленно, но верно катилась по наклонной. Довольно быстро процесс самоубийства набрал обороты, и поезд жизни неумолимо полетел под откос, постоянно набирая скорость.

И тут на его пути возник Бригадир. Он вытащил Паука из смертельных объятий этого болота. Встряхнул. Заставил увидеть новые горизонты. Первый раз он взял с собой Паука из жалости. Почти силой вырвал парня из привычного омута жизни и увел в горы.

В коллектив Паук входил сложно. Казалось, он генетически не способен работать в команде. Наряжался как клоун, то есть в полном соответствии со своим представлением о туризме и о быте «искателя сокровищ». На любую одежду он обязательно напяливал идиотскую жилетку с тысячей карманов, в которых находился миллион ненужных вещей. Не было ни одного случая, когда бы имеющийся в супержилетке мусор пригодился в экстренной, да что там в экстренной, просто сложной ситуации. Даже если Паук твердо знал, что искомым предмет точно находится в одном из карманов, он никогда не мог

его вовремя найти. Процесс поиска проходил примерно так: Паук вываливал все из первого попавшегося кармана прямо под ноги, на землю, на траву, в палатку — это не имело значения. Ему было все равно куда. Потом он начинал в этом самозабвенно копать, радуясь случайным находкам. Затем печально вздыхал, с огорчением констатировал, что искомого предмета тут нет, и вываливал содержимое следующего кармана.

Николай всегда жил в отдельной палатке, обычно разбитой в дальнем конце лагеря. Паук был крайне неряшлив, имел скверные привычки и абсолютно не заботился о чистоте и комфорте окружающих. Он громко рыгал за общим столом, от души чихал, не прикрываясь, редко мылся, а потому и пах соответственно, мог без задней мысли повесить сушиться свои носки прямо над общим котлом и искренне не понимал, за что его бьют.

Однако при всем при том он был по-детски простодушен, чист, открыт и наивен. Коля постоянно становился жертвой розыгрышей, иногда небезобидных, насмешек. Но он никогда не обижался всерьез, а, наоборот, смеялся вместе со всеми чистым, заливистым смехом. Он знал массу чудеснейших историй и легенд о разбойниках, королях и принцессах, а главное — о сокровищах. Все эти истории он охотно рассказывал подчас непонятным, но всегда красочным языком, с сочными, диковинными словечками. Рассказ обычно сопровождался яркой пантомимой (у Паука была довольно богатая мимика) или целым представлением, когда рассказчик пытался показать все действие в лицах. Получалось весьма забавно.

В конце концов ребята его полюбили, приняли со всеми недостатками, чудачествами и многочисленными тараканами в голове. А ворчливый и вечно недовольный Боцман — друг и правая рука Бригадира, — ко всеобщему удивлению, взял Паука под свою защиту.

Так что к концу первой экспедиции все более или менее устаканилось. Не без эксцессов, конечно. Так, когда возвращались из похода, денег оставалось в обрез. Настроение было ужасным. Вымотались. Тогда, чтобы хоть как-то поднять боевой дух, решили устроить себе праздник. Пронырливый Пиксель наизнанку вывернулся, а достал дешевый, но приличный самогон. Так вот, в разгар веселья поднялся Паук и произнес

тост. Предлагаю, говорит, поднять тост за Пикселя, который напоил нас дешевым самогоном. Занавес. Пиксель тогда чуть не убил Паука — Боцман спас. Потом Пиксель понял, что не со зла он, не хотел обидеть. Просто со словами поэкспериментировал. Употребил, так сказать, в нестандартном значении. Пиксель пусть и не сразу, но это понял и простил, и согласился взять Паука в следующий поход, в подготовке которого Паук принял самое деятельное участие. Чтобы пойти с ребятами, Николай продал телевизор, аудиосистему и завязал с наркотиками. Такого порыва отвергнуть было нельзя. С тех пор все и закрутилось.

Третья экспедиция уже с самого начала разрабатывалась при самом активном участии Паука. Известно, что восемьдесят процентов успеха у «охотников за сокровищами» зависят не от работы с лопатой в поле, а от сидения за компьютером в разнообразных архивах. Вот тут Паук оказался незаменим. Из мира виртуального он переместился в реальный, пусть и закаменевший в прошлом, а значит, мертвый, но все-таки... Словом, Паук увлекся историей и с упоением начал рыться в старых документах. Штудировал летописи, личные письма, собирал загадочные события разной степени достоверности, слухи, случайные свидетельства. Из всей этой околоисторической мути он умудрялся вылавливать жемчужины информации и, следуя какой-то только ему ведомой логике, сплести их в единый орнамент. Уже в третьей экспедиции благодаря Пауку удалось найти целый клад. Как он тогда радовался, каким неподдельным счастьем светились его глаза! И не деньги были тому причиной. Важен был сам факт находки как подтверждение его правоты, реализация его идеи, мыслей, как веское основание для признания его полноправным и ценным членом общества.

Потом были новые экспедиции, новые победы, разочарования, новые находки и потери. Проходя через эти испытания, Николай постепенно сделался человеком. Он повзрослел, заматерел, стал финансово независим. У него возникла уверенность в собственных силах. У Паука появились друзья. Даже девушки, которые раньше бежали от него как черт от ладана, всячески издевались и высмеивали, теперь стали проявлять к нему интерес. Из чудаковатого, неуклюжего растяпы и неудач-

ника он превратился в интересного молодого человека, не лишённого странностей, но оттого не менее привлекательного.

Постепенно Николай и сам поверил в свою исключительность и незаменимость. Его больше не устраивал его статус в коллективе. Он хотел уважения и почитания, а к нему продолжали относиться как к чудаковатому младшему брату. Открыто бунтовать Паук не решался, но что-то надо было менять.

Эта экспедиция была разработана Пауком от начала и до конца. Бригадир, безусловно, нашёл деньги, достал оборудование, договорился с властями, обеспечил «крышу» и прочее, но главное — идея целиком и полностью принадлежала Пауку. Ну если быть до конца откровенным, то на мысль его натолкнул и немного помог с материалами один его приятель, с которым он общался пока только по сети, но это детали, и о них знать никому не обязательно. К великому разочарованию Паука, его работа не была оценена по достоинству. Его, конечно, взяли, похлопали по плечу, похвалили и... продолжили подкалывать, разыгрывать и издеваться. А все лавры опять достались Бригадиру. Это несправедливо! Они ничего не понимают! Ни один из них не сумел прочесть знаков у входа. Никто не нашёл пещеры, а он нашёл! Сам! Теперь он всем покажет!

И вот сейчас Паук осторожно пробирался вглубь пещеры, внимательно разглядывая в свете карманного фонаря неровные каменные своды. Ещё утром он обнаружил на них старые полустертые символы. Он заметил знаки Велеса, Нави, Мары и целый ряд незнакомых ему рун. Что они означают, Паук не понимал, но догадывался, что начерчены они не просто так. Тут прослеживалась четкая, хотя ещё недоступная его разумению система. Утром он сделал несколько зарисовок и весь день ломал голову, что они означают. В итоге пришел к выводу, что там должен быть боковой лаз.

В одном месте свод обрушен, причем обрушен искусственно и очень качественно. Со стороны очень трудно заметить, что там вообще что-то есть, но знаки... Много осторожных знаков — и все они направлены на одну стену, будто их ставили, чтобы уберечь людей от прорыва из мира Нави. Причем Навь должна была пробиваться через заваленную стену. Там определенно что-то есть. Утром он заметил маленький лаз. Тогда не стал его тщательно обследовать. Беда в том, что Бригадир его тоже заметил. Но лаз был настолько узким, что толстая

задница Бригадира в него не пролезла, а Паук полез. Боялся жутко, но полез. И не зря! Метров через двадцать в грязном узком шкуродере он обнаружил нож.

Нет, не нож, а Нож! Старинный клинок из темного металла. Длинное узкое лезвие хищно изогнуто и сплошь покрыто рунным узором, зловеще переливающимся в луче налобного светильника. На изящной рукояти, отделанной серебром, тускло блестел набалдашник из темного отполированного камня. Паук никогда не любил оружия, но от этого кинжала он не мог оторвать зачарованного взгляда. Сколько ему лет? Пятьдесят? Сто? А может, пятьсот? Странно, несмотря на долгие, очень долгие годы забвения, Нож сохранил остроту заточки. Одно неосторожное движение — и черная сталь пропорол плотную перчатку и довольно глубоко впиалась в ладонь. Но Паук не заметил боли. Он испытывал необъяснимое наслаждение и какой-то щенячий восторг от обладания старинным артефактом. Вместе с тем он смог напрячь волю и подавить желание немедленно забрать кинжал. Это было невозможно, поскольку Бригадир обязательно это заметит и отнимет его законную добычу. Скрепя сердце Паук спрятал Нож в углублении в стене, завалил обломками камней и пополз обратно. Выбравшись из шкуродера, Паук заявил, что лаз заканчивается тупиком. Завал. Пролезть невозможно. И предложил внимательно обследовать прилегающую стену. Даже обосновал свое предложение расшифровкой рунных символов, выбитых на сводах пещеры. Такую теорию толкнул, самому понравилась! Сам же с нетерпением ждал вечера, чтобы в одиночку незаметно проникнуть в пещеру и забрать клинок. Вечером рано пошел спать. Залез в спальник и долго притворялся спящим. Потом аккуратно и очень медленно вскрыл заднюю стенку, подготовил муляж в спальнике и, уловив момент, выскользнул из палатки. Несколько долгих мучительных минут провел, скорчившись за ближайшим камнем, внимательно вслушиваясь в тишину и выжидая момент для незаметного отхода. Затем тихо крался обходной тропой к заветной пещере, высоко поднимая ноги, тщательно выбирая место для каждого нового шага. Лишь однажды он оступился, перед самым входом. Казавшийся незыблемым камень вдруг зашатался и предательски выпрыгнул, покотившись по склону. «Подумают, что зверье шастает», — успокоил себя Паук и шмыгнул в пещеру.

Дальше пошло легче. Заработал налобный фонарь, и вот Паук уже уверенно шагал знакомым маршрутом, внимательно вглядываясь в стены, чтобы не пропустить нужных ориентиров. Странно, но старые, полустертые, зачастую едва различимые днем знаки, непонятным образом сохранившиеся на каменных сводах, ночью выглядели совершенно иначе. Причудливые тени завертели вокруг них свой хоровод. Символы стали четче, рельефней, объемней. Казалось, они жадно впитывали свет от фонаря, наполняясь силой, обретая форму и цвет. Паука пробил озноб. Липкая волна страха предательски прокатилась по спине. Захотелось бежать отсюда. Бежать сломя голову. Но Нож звал. До него осталось всего ничего, рукой подать. Вот уже виден вход в заветный шкуродер, а там, совсем рядом с входом, в тайнике за камнем его ждет Нож, его Нож.

Паук тряхнул головой, как бы отгоняя страх, собрал остатки воли и полез в знакомый лаз. Ох и тяжело дались ему эти метры! Не пускала скала в свое нутро. Острые камни цепляли за штормовку, холодная грязь сама прыгала за шиворот, заливала глаза. Душу сковывал иррациональный необъяснимый ужас. Сердце бухало с такой силой, что казалось — вот-вот выскочит из хлипкого тела где-то в районе пятки и самостоятельно поскачет домой. Тяжелые каменные плиты давили на плечи. За ноги хватали холодные скользкие руки. Из стен буквально тарасились безжалостные змеиные глаза. Но отступить было поздно. Назад ползти еще страшнее. Паук сделал еще одно усилие и вскоре достиг заветного тайника. Дрожащими руками он вытащил Нож и поднес к глазам. Рунные знаки на хищном лезвии причудливо переливались. Темный камень на рукояти загадочно мерцал. Он как бы светился изнутри тусклым матовым светом. Паук снял перчатку и потер камень. Тот оказался странно теплым. По лезвию пробежали голубые искры. Паук услышал странный шепот. Тихий, неразборчивый. Камень засветился ярче. Парень тряхнул головой, прогоняя наваждение. Шепот прекратился. Одновременно ушел страх. Его место заняла уверенность в собственных силах и желание идти вперед. Паук спрятал Нож в карман штанов и двинулся вперед.

Метров через десять лаз расширился и вскоре перерос в широкий коридор, уходящий вниз и в сторону. На стенах так-

же отчетливо виделись знаки и руны, которые были не просто нарисованы или выбиты на камнях, а как бы выжжены или вытравлены чем-то. В некоторых местах имелись следы оплавления породы. В душе вновь шевельнулся страх. Мелькнула мысль, что дело сделано и пора возвращаться. Он уже развернулся и сделал пару шагов назад, но вдруг заметил странные линии, как будто указывающие путь. Он готов был поклясться, что минуту назад их тут не было. Повинуясь любопытству, Паук прошел по указателям к дальней незаметной стене коридора. И вдруг плита под ногой зашаталась, поехала чуть в сторону, и незадачливый спелеолог потерял равновесие, схватил рукой пустоту и рухнул в невесть откуда взявшийся проем. Он пролетел метра полтора, больно стукнулся о какой-то выступ и, потеряв сознание, бесформенным кулем скатился вниз.

Очнувшись, ощупал себя. Он лежал в холодной луже в жутко неудобной позе. Все тело болело от многочисленных ушибов, но кости, похоже, были целы. Руки и ноги двигались, хоть и не без труда. Голова раскалывалась, перед глазами все плыло. К горлу подкатила тошнота. Видимо, при падении неплохо приложился головой. «Сотрясуха, как пить дать, — подумал Паук. — Хорошо хоть в каске был, а то наверняка убится бы». Каска, кстати, отлетела и потерялась, а вместе с нею налобный фонарь. Карманный фонарик тоже разбился. Тогда он достал из внутреннего кармана химический стержень и активировал его. Холодный химический свет озарил небольшой грязный грот. Судя по всему, он выпал из провала в верхней галерее, зияющего чернотой метрах в четырех от поверхности. Скорее всего, он ударился о большой валун, от которого отрикошетил к дальней стенке, а по ней, собственно, и скатился в большую грязную лужу, где и остановился, уткнувшись в большой плоский камень с углублением посередине. За камнем чернел провал узкой глубокой трещины. Весь пол грота, насколько хватало света тусклого химического светильника, был покрыт костями, человеческими черепами и даже целыми скелетами. На некоторых сохранились остатки одежды и оружие. Буквально в метре сидел скелет в неплохо сохранившейся форме немецкого офицера СС с шевроном АНЕНЕРБЕ. Половина его черепа была снесена, оттого пристальный взгляд пустых глазниц казался чрезвычайно злым и зловещим. Этот взгляд

резко контрастировал с широкой приветливой улыбкой черепа, отдельно стоявшего прямо на плоском камне, о который затормозил Паук. Странно, но Николай не испытывал ни ужаса, ни отвращения, ни даже брезгливости по отношению к останкам этих разных людей, чьи судьбы странным образом переплелись в этом затерянном гроте и к которым он в скором времени присоединится. Эта мысль пришла внезапно. Пробила электрическим разрядом вдоль позвоночника. Нестерпимо захотелось жить. Он попробовал вскочить, но не смог. Резкая боль в правом боку не дала подняться. Он переместил светильник поудобней, скосил глаза вниз и обомлел. В правом боку, погрузившись почти по самую рукоять, торчал его Нож. Темный каменный набалдашник стал багровым. Внутри него забегали искры. Ровно посередине пробежала трещина, и камень стал похожим на огромный, налитый кровью змеиный глаз. Паук вскрикнул и, повинуясь инстинкту, выдернул кинжал из тела. Тот вышел с трудом, неохотно покидая живую плоть. Густая черная кровь освобожденно хлынула из раны. Николай изумленно уставился на клинок. В зеленоватом химическом свете темная сталь загадочно переливалась разными узорами. Крови на ней не было, словно Нож впитал ее, выпил всю, без остатка.

Паук закричал и отбросил от себя страшное оружие. Потом попытался встать, но его руки подломились, и он завалился на спину, прямо на плоский камень, у которого сидел. Силы покинули его, и он застыл, уютно устроившись по соседству с улыбочивым черепом, и наблюдал, как его кровь медленно течет по шершавому камню. Стало заметно холоднее и чуть-чуть светлее. По стенам побежали темные тени. По краям его лежака выступили странные символы. На самом камне проявился сложный рисунок. «Это Алтарь, — пронеслось в голове у Паука. — Жертвенник. И сегодня он, похоже, получил свою жертву».

Послышался негромкий протяжный свист. Паука охватила апатия. Боль отступила. В теле возникла обманчивая легкость. Чувства постепенно исчезли. Сначала пропал страх, потом вина, сожаление и жалость к себе.

Последней ушла надежда. Осталась пустота. Великое Ничто поглотило душу. И тут его взгляд упал на лежащий рядом Нож. Рука сама потянулась к нему. Паук взял нож и положил

на грудь. Неожиданно у него появилось желание уйти красиво, как древний воин, со своим оружием. Как ни странно, этот незамысловатый жест вернул его к жизни. Николай ощутил, как из Ножа в него вливается сила. По телу пробежала теплая волна и вступила в схватку с могильным холодом, уже охватившим ноги и нижнюю часть живота. Но силы были явно не равны. Холод медленно, но уверенно продвигался выше. И вот уже мягкая, но когтистая лапа сжала сердце.

— Нет, — заорал Паук из последних сил. — Не хочу умирать! Я здесь! Эй, спасите!

Он попытался вскочить, но тело не слушалось. Он лишь смог слегка оторваться от камня и скатиться с Алтаря.

Последнее, что он увидел, была ехидная улыбка на черепе немецкого офицера.

ГЛАВА 3

— Бригадир, ты уверен, что он сюда пошел?

— Уверен. Мы с ним этот вход вчера раскопали. Я не пролез, а Паук проверил. Худой, как собачий хвост, в любую дырку влезет. Вот и полез. Прополз метров двадцать — и обратно. Сказал, что там тупик. Но соврал. Уж больно рожа хитрая была. И задумчивый потом весь день ходил. Не иначе нашел чего и скрысятничать решил. Заныкал, а ночью решил забрать.

— Скорее всего... Только что же это должно быть, чтобы за ним ночью в шкуродер, и одному?

— Вот сейчас и узнаем, — произнес Бригадир. — Ищите. Лаз маленький, незаметный. На своде перед ним должно быть два охранных знака.

— Есть, Бригадир, — крикнул худой парень с мощным фонарем в правой руке. — Это он?

— Он. Давайте, ребята. Я не могу. Полезут Пиксель или Крот. Остальные по габаритам и по необходимости. Быстрее, парни, — торопил Бригадир. — Чую, беда приключилась.

— Идем. Иду, — донеслось от Крота уже из-за стены. — Здесь явно кто-то был. Недавно. След свежий.

Прошло несколько долгих минут, и вновь послышалось:

— Тут дальше лаз расширяется. Еще дальше коридор. Нужна помощь. Жека и Пиксель пусть подойдут. А ты, Бригадир,

худей. С твоим тазом только... Стоп. Слышу крик. Быстрее. Веревку тащите. И носилки.

— Да... — произнес Бригадир обреченно, как только спасательная бригада скрылась в тоннеле. — Не хотел я Паука брать. Как чувствовал.

— Чувствовал, да не мог, — произнес невысокий крепыш, присевший рядом с Бригадиром. — Да и как его не взять, когда он всю эту экспедицию и затеял? Всю тему накопал. К тому же он кореш Санька́, а без Санька, вернее, его папаши мы бы шагу не ступили.

— Да, без папаши нам бы тяжело пришлось. Столько денег на подготовку мы бы черта с два нашли. Да и разрешения нам бы никто не дал. А тут зеленый свет везде.

— И условия приличные, вполне подъемные. Аж подозрительно. С чего вдруг такая щедрость? При его-то власти! Может запросто все отнять, и ты ему еще «спасибо» скажешь. А тут прям расшаркался.

— Говорит, что Санька́ в люди хочет вывести. Ему надо, мол, самому по жизни подниматься, выходить из-под крыла папиного. А в семейный бизнес затягивать рановато. Не готов еще отпрыск. Вот и старается как-то увлечь, наладить в правильное русло. А эти копейки для него не деньги вовсе...

— Ага. Он за каждую копейку воробья в поле загоняет, а тут такая щедрость. Нет, это «же-же-же» неспроста!

— Мне самому подозрительно, но это же не повод от такой экспедиции отказываться. Ладно. Давай вначале найдем что-нибудь, а дальше думать будем.

Друзья замолчали, рассеянно уставившись на темный провал шкуродера. Вдруг показался тонкий луч. Он становился все ярче, и наконец из-за камня показалась голова Каа.

— Нашли, — взволнованно затараторил он. — Он в расщелину свалился. Мы спустились вниз, он там. Вроде цел, но не шевелится. Без сознания. Чем-то бок пропорол. Крови много потерял. Крот и Пиксель его пакуют. Сейчас зафиксируют и поволокут. Надо срочно в лагерь. Реанимацию готовить.

— Бежим. А че там еще? Есть чего? — спросил крепыш.

— Ты че, Боцман! Там такое! Полный карачун! В местных сказках большая доля правды. Мы, похоже, весь партизанский отряд нашли, вместе с немцами. Там скелетов пятьдесят, не

меньше. И кости повсюду... А оружия! В общем, там есть что поискать!

— Хорош трепаться! — закричал Бригадир. — Потом лясы точить будем. Боцман, давай в палатку. Погоди, я с тобой. Док, ты за старшего. Мы внизу. Все. Рвем когти.

ГЛАВА 4

Паук очнулся через два дня. Это произошло быстро и как-то буднично, без театральных пауз, стонов и закатываний глаз. Просто однажды утром Паук открыл глаза и схватил Дока за руку.

— Кинжал нашли? — первым делом спросил он. — Он мой.

— Ты че? — возмутился Док. — Совсем с глузду рухнул?! Ты тут крысятничаешь, всех на уши поставил. Парни с тобой как с пасхальным яйцом носились, пылинки сдували. С того света практически вытащили, а ты сразу с наездом! Ты че, Паук! Окстись. Тебе их благодарить надо, прощения просить. А ты... Хоть бы «здравствуй» сказал.

— Кинжал мой, — упрямо повторил Паук, — ты не понимаешь, мой! У кого он?

Он неожиданно сильно сжал руку.

— Ты не понимаешь! Он мне нужен. Он мой. Иначе все умрете!

— Так ты еще и угрожаешь?! — Док рывком вырвал руку. — Что значит — твой? Нож наш. Это общая добыча. А тебя за твое крысятничество я вообще предлагаю доли лишить.

— Кинжал мой. В нем моя кровь. Без него Паук умрет. Все умрут... Нужен ритуал... Жертва...

— Ты что бормочешь? У тебя бред. Какой Паук умрет? Ты тут, в палатке. Жив-здоров. Даже говоришь. Правда, еще не соображаешь.

Док достал ампулу с реланиумом и сделал пациенту укол.

— Поспи лучше. Тебе отдохнуть надо. А то кинжал ему подавай. Ритуал. Жертвы. Спи давай. Чую, тебе еще голову лечить придется.

Ближе к вечеру в палатку к Пауку зашел Бригадир.

— Ну что, очухался? Здрав будь, Николай. Напугал ты нас. Больше не делай так. Как твое самочувствие?

За время вынужденного беспамьятства Паук похудел еще больше. Осунулся. Кожа обтянула череп так, что под ней видна была каждая жилка. Казалось, острые скулы вот-вот прорвут этот желтоватый полупрозрачный пергамент. Глаза запали, а под ними образовались большие черные круги. Лицо приобрело возвышенно-страдальческое выражение. Так обычно изображают святых мучеников, или умудренных жизнью схимников, или иногда голодающих из каких-нибудь концлагерей. Но нахлынувшее было чувство жалости моментально слетело, стоило Пауку открыть глаза. В них не было ни боли, ни раскаяния, ни сожаления, ни желания сочувствия, а лишь холодная сила, жестокость, дикая уверенность в своей правоте. Бригадир аж отшатнулся от неожиданности. Это не были глаза Коли Паукова. Он никогда так не смотрел.

— Где кинжал? — спросил Паук непривычно низким грудным голосом. — Он мой, — произнес он, не дождавшись ответа.

— Коля, ты что? Какой кинжал? Да и вообще ты, видимо, когда башкой шандарахнулся, извилины сильно порастряс. Ты кто такой, чтобы мне тут ультиматумы ставить?

— Он мой, — упрямо и исключительно в утвердительной форме повторил Паук, — это не обсуждается. Артефакт нашли?

— Какой артефакт? — опешил Бригадир.

— Там рядом должен быть браслет со змеем. Его нельзя трогать. Он опасен.

— А что за браслет? — Бригадир внимательно посмотрел на товарища. — Ты его где видел? Из чего он сделан? Чем опасен?

— Еще там амулет должен быть. Костяной, с бирюзовыми камнями. Не нашли?

— Нет, такого не находили. А что ты еще видел? Где это лежит?

— Амулет достать надо. В нем сила. Без него обряд не смогу... Закрывать надо...

Глаза у Паука стали безумными, в них появился лихорадочный блеск. Он попытался встать, но был надежно привязан к кровати: Док на всякий случай зафиксировал после появления первых симптомов неадекватного поведения. Паук рванулся сильнее. Веврки натянулись, и хлипкая кровать стала предательски прогибаться.

— Держи его, Бригадир, — крикнул Док и вскрыл очередную ампулу реланиума.

Бригадир навалился сверху, пытаясь обеспечить максимально удобные условия для введения очередной дозы успокоительного. Паук продолжал вырываться и кричать:

— Идиоты, тупицы. Он уже вышел... Я не смогу закрыть... Он хочет крови. Не закрою — возьмет вашу... Кинжал отдайте... Это я...

Наконец лекарство начало действовать. Движения стали вялыми, пока совсем не прекратились. Глаза заволокло пеленой. Голова завалилась набок. Пациент уснул. Бригадир и Док слезли с тела.

— Здоровый, гад, — уважительно произнес Бригадир. — Вот уж не думал, что в таком тщедушном теле такая силища.

— У психов это нормально. Он, судя по всему, крепко головой приложился. Отойдет ли теперь? Это теперь не наш безобидный ботан Коля, это полноценный псих, со всеми вытекающими.

— Точно. Он как глазищи открыл, как зыркнул, я чуть не обгадился. Ноги ватными стали. Когда со мной такое было? — Бригадир воровато оглянулся по сторонам. — Док, Коля вернется? Как думаешь? У него крыша на место встанет?

— А кто его знает! «Голова предмет темный, исследованию не подлежит». Вполне возможно, проспится и утром как огурец будет. А может, все, кукушка надолго улетела. Его только в клинику помещать.

— Не хотелось бы. Будем надеяться на лучшее. Но дежурство около него усилить. Теперь только по двое заходить. Да, — Бригадир вопросительно поглядел на Дока, — что это он там про амулеты говорил?

— Ну, если опустить кровавые бредни, связанные с пробуждением кого-то там страшного, то в пещере должны быть браслет со змеей и костяной амулет с синими камешками. Если это из одного с кинжалом гарнитура, то предметы исторические, цены немалой. Достать надо. Тем более что лежать должны недалеко от того места, где его нашли.

— Легко сказать «достать надо». А ты достань. Мы пока только завал разобрали и подходы очистили, да и так, что сверху было, повытаскивали. Глубоко никто не лез. Страшно. Ни-

кто объяснить причины не может, а лезть отказываются. Достать успели много, не спорю, но то, за чем шли, все еще там.

— А ты сам?

— А у меня зад не пролазит. У меня и у Боцмана. Нас двое таких. Ну и ты еще, пожалуй, третьим будешь. Ладно, завтра пойдем еще раз, а может, послезавтра, когда больной в себя придет.

Больной приходил в себя с невероятной скоростью. Проснувшись ни свет ни заря, он первым делом попросил есть. Вел себя спокойно. На вопросы отвечал адекватно. Словом, никаких тревожащих сигналов не подавал. Его развязали и дали поесть, на всякий случай усилив охрану. Однако опасения не оправдались. Николай просто ел. Молча и сосредоточенно. Но очень много. Ел он весь день. Как пошутил Крот, Паук решил покончить жизнь самообжорством. Он уничтожил недельный запас тушенки и выпил три банки сгущенки. Все это дело запил двумя большими чайниками душистого чая из горного сбора. И куда в него все это влезло? А главное — куда вылезло? И когда? Он полдня в палатке проторчал! Едва выбравшись из палатки, он потребовал вернуть нож. Был послан обратно в палатку. Попробовал скандалить. Но делал это неагрессивно и даже немного забавно: в высокопарной старинной манере. Периодически переходил на старорусский. Обещал всех загнать в мир Нави. Пугал навками, змеями, духами со странными именами и почему-то воронами. Получалось нестрашно. Бояться его наотрез отказывались, а попытки физического воздействия пресекли решительно и сразу. Развязали только после того, как он клятвенно пообещал с кулаками не бросаться и кар небесных на друзей не призывать. После этого Паук замкнулся. Ушел в дальний конец лагеря. В разговоры не вступал, на вопросы отвечал односложно. Вообще вел себя очень странно: лазил по склону на карачках в поисках какой-то травы, а найдя ее, радовался как ребенок. Нюхал землю. Потом успокоился, будто нашел что-то. Перетаскивал туда свою палатку. Натаскал камней. Сложил их необычным узором. Разрисовал окрестные валуны непонятными знаками. Причем все это он проделывал молча, с остервенелой сосредоточенностью и фанатизмом. Однако ни к кому не приставал, не буйствовал, не безобразничал. Словом, вреда никому не причинял. Его оставили в покое, лишь со стороны на-

блюдая за странными метаморфозами в поведении их стукнутого приятеля, неожиданно обнаружившего у себя задатки, по меткому выражению Крота, «materого заклинателя духов и собирателя черной энергии».

Ближе к ночи, когда все собрались за общим столом под кружку бодрящего чая, неожиданно появился Паук. Он тихо подошел, молча сел с краю, наложил целую миску горячей каши и уставился в огонь рассеянным взглядом.

— Здравствуй, Коля, — елеиным голосом произнес Санек, — как почивалось? Ничего не болит? Душа не ноет? Крыша уже не течет?

— И ты не хворай, Саша. У меня все в порядке, благодарствую. И с крышей нормально, я бы на твоём месте за свою переживал.

— Не, вы слышали?! — Санек вопрошающим взглядом обвел окружающих. — Все в порядке у него! Ты че в пещеру полез, крысятник?

— Хорошо, Санек, — осадил его Крот. — Ты лучше расскажи, как угораздило тебя харакири себе сделать?

— Может, у него совесть проснулась, — не унимался Санек. — У друзей воровать — это не дули воробьям крутить.

— Заткнись, Санек, — сказал Бригадир, — дай человеку в себя прийти.

— Так то человеку, а он Паук. Насекомое без стыда и совести.

— Заткнись, я сказал, — рявкнул Бригадир, — иначе...

— Ну в самом деле, Саш, чего пристал. Он как человек пришел. Что ты наезжаешь сразу, — поддержал командира Макс. — Коль, расскажи — как пещеру вычислил, что там видел?

— В самом деле, расскажи, что видел, — попросил Крот, подсаживаясь поближе.

Паук пристально посмотрел на Крота, Бригадира, бросил презрительный взгляд в сторону Санька и произнес:

— Да ничего я толком не видел. Провалился случайно. Напоролся на нож. Ударился головой. Потерял сознание.

— Да ладно заливать-то! Ты успел на камень забраться, с камня спуститься, заломить светильник и поорать о помощи. Знаю тебя — на помощь звать ты станешь в последнюю оче-

редь. А вот обследовать окрестности — это всегда. Колись, что видел.

— Я же сказал, ничего не видел. Не до того было.

— Ты про амулет что-то говорил да про браслет. Рассказывай, — мягко, но с угрозой произнес Бригадир.

— Да чего с ним возиться, — взвился Санек, — крысятник он. Ничего не скажет, ежу понятно. Думает, что мы его туда пустим и он все сам соберет. Хрен тебе! Зря мы тебя оттуда на своем горбу вытаскивали!

— Успокойся, Санек. Последний раз предупреждаю. Тут я решаю, кому хрен, а кому пряник. — Бригадир повернулся к Пауку. — Рассказывай, Коля.

Паук внимательно посмотрел на Бригадира, потом на Саньку, потом опять на Бригадира, налил себе чай из большого походного чайника и произнес:

— Нечего особо рассказывать. Я видел только кости, череп. Оружие видел. Ни амулета, ни браслета не видел. Знаю, что они там. Там же и остальные сокровища, за которыми, собственно, и шли. Про них вы и так все знаете. А пошел туда, потому что знаки увидел. Старинные, бережные. Вы их даже прочесть не можете. Потому вам туда нельзя идти, опасно.

— Умный, значит, — прошипел Санек, — а мы тут идиоты собрались. И что же там пишут?

— Духи тут. Плохое место.

— Как интересно! — вклинился Крот, снимая напряжение. — Расскажи легенду какую-нибудь, а то у Боцмана все анекдоты с такой бородой, что волосы аж в каше плавают.

— Верно, — поддержал товарища Макс, — расскажи сказку, а то на душе паскудно как-то. А про сокровища потом поговорим. Мы все равно еще завал до конца не разобрали.

— Сказку? — удивился Паук. Потом подумал и добавил: — Сказку не сказку, а вот легенду об этих местах я вам поведаю. Давным-давно здесь жило племя. Все как положено было. Процветание. Мудрый вождь. Старый, правда, но мудрый. Дочь красавица. Богатыри славные. Одного из богатырей Рузай звали. У них с дочерью вождя любовь возникла. Батя был против: он планировал дочь в жены соседу, могущественному хану отдать, союз укрепить. Обещал уже. Но по Кону не мог без ее согласия за чужеродца выдать. А она уперлась. Тогда вождь испытание придумал. Поручил добыть артефакт маги-

ческий силы огромной, божественной. Рузай добыл. Как — это отдельная легенда, но нам важно, что добыл. Вождю делать нечего, слово держать обязан. Сыграли свадьбу. Но недолго молодые в своем счастье пребывали. Обиделся могущественный сосед, собрал силы несметные и пошел войной. Несколько селений разорил. Все сжег, а людей погубил. Всех поголовно. Даже в рабство никого не брал. Тогда все мужчины племени старше двенадцати лет ушли на войну. Возглавил войско Рузай. Вождь, поскольку уже старым был, остался в городе править. Дочь вождя, как водится, заплакала, обещала ждать, платочком помахала. Словом, все чин чинарем. Но затянулась война. У Рузая было мало воинов, а у хана много. В открытом поединке сойтись было чистым самоубийством. Рузай считал, что слон должен стоять, а муха жалить. Только так можно сдерживать врага и не дать ему разрушительным ураганом пройти по родным землям. Словом, он выбрал тактику стремительных ударов с последующим отступлением. Так они гонялись друг за другом несколько долгих лет. Но так не могло продолжаться до бесконечности. Зажал все же хан войско Рузая в этих горах. Деться им было некуда. Решили богатыри дать последний бой. Они встретили врага в тесном ущелье, чтобы свести к минимуму преимущество хана в численности. Много дней длилось сражение. Стойко держались воины Рузая. Отчаянно рубились храбрецы. Много славных бойцов пало, много подвигов ратных совершено. Но, несмотря на проявленный героизм и стойкость, войско было обречено. Тогда с помощью своего артефакта обратился Рузай к богам. Не за себя просил, не живота хотел. Просил, чтобы боги не пустили врага лютого на земли родные. Услышали боги, сказали, что обрушат на врагов горы, но Рузай должен пообещать, что отдаст богам сердца предателей и детей их. Согласился Рузай, ибо уверен был, что нет среди его соратников предателей, а если таковые и отыщутся, все равно они все сегодня погибнут. Заключил он сделку. Вышел Рузай к своим воинам и поведал им о воле богов. Рассказал им, что хочет заманить войско хана в ущелье, и когда те войдут, боги обрушат горы. Также Рузай сказал, что те, кто последует за ним, погибнут, ибо их завалит камнями вместе с приспешниками хана. А потому он взял с собой только самых близких своих соратников. Остальным же приказал возвращаться домой тайными тропами через эти горы.

— Знаю я продолжение, — раздался ехидный голос Санька. — Рузай погиб, а тех, кто ушел, боги сочли предателями и покарали. Теперь их души бродят тут и пугают туристов.

— Нет. — Паук сделал большой глоток чая из дымящейся кружки. — Не суди по себе. Никто не ушел спасительной тропой. Все остались. Рузай гнал их, но они остались. Решили, что лучше погибнуть с честью, чем жить в бесчестии. Сказали, что они свободные люди и никто не в силах запретить им выполнить свой долг. Возрадовался Рузай. Хороших воинов он воспитал, настоящих. Нет среди них гнили. Не получают боги своей жертвы, потому что нет среди них предателей. Все пошли, все бились. И было так. И обрушили боги ущелье. Войско хана было уничтожено, а остатки его рассеяны по окрестностям. Богатыри Рузая тоже пали. Почти все. Но сам Рузай и несколько его ближников выжили. Еще долгих три года Рузай с ними зачищал эти места от недобитков хана. А потом пошли домой, где богатырей ждали семьи.

Но слишком долгой была война. Много воды утекло. Жена Рузая, прекрасная Леда, встретила молодца Пария, который был очень хорош собой, пел красивые песни и к тому же был сыном вождя соседнего племени. Прошло уже несколько лет. О Рузае ничего не было слышно. Никто не вернулся из похода. Вождь посчитал, что все погибли. По героям справили тризну. Леда горько плакала, грозилась наложить на себя руки. Но потом ее сердце растопили песни Пария, а тут еще папа убеждал, что брак с Парием — благо для племени, ибо оно осталось практически без защиты: ведь все мужчины погибли вместе с Рузаем. В общем, Леда поломалась для приличия и вышла замуж за Пария. Вскоре у них родился сын. Таким образом, когда Рузай вернулся, он узрел картину мнимого благополучия.

— Почему мнимого?

— Мужчины ушли, а женщины по природе своей не способны к развитию. Их боги сотворили, чтобы они сохраняли все лучшее. Вот и получилось, что, оставшись в безопасности и будучи предоставленными только самим себе, женщины сосредоточились на собирательстве добра, накоплении. Они забыли про труд, отказались от Быть в пользу Иметь. Хитрый вождь стал раздавать собранное золото в рост соседям, несмотря на прямой запрет богов. Этот процент стал основой благополучия. Люди перестали трудиться сами. Для выполнения тя-

желой работы стали брать рабов, хотя раньше рабство было запрещено. Заветы богов забыли, ибо некому было за этим следить. Женщины стали выходить замуж за инородцев, принимать их веру, заменять свои традиции чужими. Праздность и чувственные удовольствия сделались нормой и целью жизни. Так что, несмотря на видимость благополучия и богатства, племя умирало. Радость ушла из этих мест. Это было заметно по потухшим глазам детей, опущенным плечам прохожих, неестественному смеху, пошлым шуткам... Обреченность всегда чувствуется особенно остро теми, кто был у Черты. Правда, Бригадир?

Выдержав театральную паузу, Паук продолжил:

— В общем, когда Рузай и его немногие оставшиеся в живых богатыри вернулись, им не обрадовались. Племя понимало, что предало своих заступников. Всем было стыдно. Этот стыд они потопили в злости. А злость направили против тех, кого сами предали, кто оказался чище их, лучше, выше. Кто мог спорить с богами.

Богатыри вскинулись, захотели уничтожить скверну и вполне могли это сделать, ибо были сильны духом, а народ их слаб и ничтожен, но Леда бросилась в ноги Рузаю и умоляла пощадить. Рузай понял все. Он догадался, о какой жертве просили боги, но не смог убить жену и ее ребенка. Он просто встал и ушел. За ним ушли его соратники, а также те, кто остался верен, и те, кто не хотел гнить в болоте праздности и сытости. Они ушли. За горой остановились, образовали новое поселение и стали жить по старым заветам.

Но их бывшие соплеменники не успокоились. Они не могли терпеть соседства того, кто постоянно напоминает тебе о твоей подлости. Они возненавидели новых соседей. Ведь душа каждого человека мечтает о Свете, хочет очиститься, вырваться из этой теплой липкой грязи, жить ярко, по Правде, по Совестью, а значит, не так, как раньше. Не в неге да лени, а в трудах и лишениях, без зависти, подлости и стяжательства. Ну а к этому мало кто оказался готов. Теплый дом, вкусная еда, ласковые жены... а горы добра нажитого куда девать? Кому? И что взамен? Проще вниз, на родное дно, где все ясно, привычно, знакомо. Словом, не смогли люди простить себя за свою подлость. И жить рядом с тем, кто о ней напоминает, тоже не захотели. Словом, придумали еще одну подлость: объединились

с другими соседями, выманили Рузая и друзей его и убили их. Живые герои никому не нужны.

— Как это не нужны? — искренне удивился Крот.

— Живые не нужны. Мертвые — да. За мертвых драка идет. Они просто жизненно необходимы. Как пример, память. Для воспитания молодежи, патриотизма, усиления своей власти, получения прибыли.

— Не понял, — пробормотал Крот, — это как? Почему?

— Ты будто вчера родился! Мертвый герой удобен всем. Он не спорит, не дерется. Молчит себе. Мертвые обычно молчат. Его историю к чему угодно приписать можно. Выставить защитником любых интересов. Сочиняй, что хочешь, он и не пикнет. А если бы жив был? Ты знаешь, куда бы он всех послал? Да что там послал, сам бы проводил. Проверил, дошли аль нет.

В живых героях слишком много от богов, а значит, мало от скота. А человек по природе своей скотина. Да, он может в какой-то момент совершить подвиг: броситься в огонь, коня в горящую избу пинками загнать. Но потом опять в грязь скатится, чтобы поваляться вволю, излиться в скотстве, врать, предавать, жрать, иметь все, что шевелится, ну и вспоминать по пьяни о былых подвигах. А герой заставляет, даже невольно, жить чисто и светло, как он сам, и не один раз, а все время, всегда! За это его и любят, им восхищаются, но сами так жить не могут, да и не хотят. Герои хороши там, далеко, но чтобы за нас бились. А рядом они опасны. Потому их и убивают. Чаще всего в спину. Так и Рузая убили. Пошли войной — сломить не смогли. На торговлю не купились. Тогда Леда позвала Рузая и его ближников на переговоры. Гарантии дали, все дела. Пир устроили, а на пиру всех и отравили. Тела сожгли, пепел в этих скалах развеяли.

— А боги почему не вмешались?

— У богов свои пути. Тем более что обманул их Рузай. Клятвы не выполнил. За это его боги наказали. Привязали душу его к артефакту. Так и бродит тут душа древнего богатыря неприкаянная, врагов своих ищет, чтобы договор с богами исполнить и обрести покой. А если встречает того, у кого есть хоть капля крови Леды, убивает.

Паук умолк. Рассеянно глядя в огонь, он неторопливо шевелил палкой угли. Его худое, строгое лицо, подсвечиваемое

багровыми отблесками догорающего костра, выглядело величественно, загадочно и зловеще. Над стоянкой повисла тишина, сквозь которую вместе с ночным холодным ветром просачивались громкие шорохи, потрескивания, глубокие гулкие вздохи, пронзительные крики ночных птиц, а может, и не птиц. Тень неприятного предчувствия коснулась волос на затылке и зашептала что-то невнятное в ухо. Парни поежились и инстинктивно сдвинулись поплотнее друг к другу.

— Тыфу на тебя, — раздался сердитый голос Боцмана. — Вечно у тебя истории... Жути нагоняешь. Тебе пионеров у костров пугать в самый раз будет. Лучше бы что веселое рассказал.

— А мне нравится, — бодро заявил жизнерадостный Крот, — как в детстве. Мы тогда любили ночью у костра страшилки рассказывать. Соберемся, сядем в круг — и давай фантазировать...

— Мы в детстве в лагере тоже почитай каждую ночь истории разные толкали. Да пострашней. Кто кино перескажет, кто сказку вспомнит. Целое соревнование было, кто совет лучше.

— Тогда Паук вне конкурса бы пошел, — оживился Санек. — Скажи, Коля, тебя это в детстве так напугали? Это у тебя оттуда тактика такая: сначала придумал, потом напугал, спioniерил чего-нибудь — и на духов свалил. Красавец!

— Это легенда. Старая легенда, — спокойно ответил Паук, не реагируя на подначки. — Но в каждой легенде есть правда. Если столько времени живет, значит, правды много.

— Перестань, хорош народ пугать, — вмешался в беседу Бригадир. — Тут за последние сто лет только официальных экспедиций штук двадцать было. Я про туристов вообще молчу. И ничего. Новых легенд не появилось. Никто не исчезал.

— Может, исчезал, а может, и нет. Доподлинно мне не известно, — философски протянул Паук. — Только до революции тут жителей мало было. А после революции заповедник сделали. Ну а после войны вообще закрыли территорию на долгие годы. Но это не суть. Если верить славянским волхвам, то на этих землях еще долго люди жить не смогут. Тысячу лет назад тут нечисти было не продохнуть, ибо врата в мир Нави открылись. Кошей специальный отряд волхвов отправил. Они

ворота запечатали, нечисть проредили, но не вывели. Видимо, что-то пошло не так.

— Хорош пургу гнать, — подал голос Боцман, — тебе же сказано было.

— Это не пурга. Помните знаки в пещере? А камень, где я руны нашел? Кто-нибудь их смог прочитать? Нет. То-то и оно. Потому что старые очень. Видели камни, что я приволок? Так вот там тоже руны. Только более свежие. Это охранные знаки. Сильные очень, магические. Знак на вон том булыжнике — своего рода печать. Часть из них нарушена, а значит, не работает. Есть свежие знаки, не больше сотни лет. Значит, кто-то тут волховал. Причем делал это со знанием дела.

— Что за печать такая?

— Печать Велеса. Одна из... Сильная. Делал мастер. И сбивал мастер. Ранг не ниже восьмого. Я подправил, но не уверен, что надолго. Но это все равно лишь сдерживающий контур, вспомогательный. Основной не здесь. — Паук окинул взглядом собравшихся и высокомерно произнес: — Да что это я? Перед кем распинаясь! Вы все равно не верите. А когда припечет, поздно будет.

— Да ну тебя! — обиженно заголосил Крот. — Только настроение пришло. Как в детстве — тепло, темно, страшно, но до жути здорово! А тут ты со своей мистикой все испортил. Переборщил ты, брат.

— Это почему нам не понять? — с угрозой в голосе прервал Крота Санек. — Я что, тупой? Или опять что-то стырить захотел?

— Потому что ты видишь только то, что хочешь видеть. А в твоем случае не только ты.

— Чего?! Ты у нас что, пророк? Третий глаз прорезался? Так я тебе его быстро закрою!

— Санек, перестань, — одернул Бригадир.

— Для тебя — пророк, — спокойно ответил Паук, продолжая ковырять угли. — Ты тупой, злобный и трусливый червяк, который дальше своего носа не видит. Для тебя и баран пророк.

— Что-о-о!!!

Санек вскочил и грозно направился к Пауку.

— Да я тебя закопаю, насекомое.

— Санек, стоять. — Бригадир кинулся наперерез. — Ты не видишь, парень не в себе?

— Ты на кого хлебало раззявил, крысеныш! — не унимался Санек.

— Спокойно, спокойно.

Бригадир аккуратно, но жестко обхватил Санька, лишая того возможности совершить акт насилия над личностью.

Санька усадили, налили стакан. Он выпил, все еще продолжая грязно ругаться и обещать на голову Паука различные кары, но делал это уже без особого энтузиазма.

Как ни странно, трусоватый Паук не шелохнулся, даже глазом не повел. Он продолжал спокойно сидеть и задумчиво ворошить угли.

— Ты че, карась? — К Пауку подошел Боцман. — Ты зачем на человека наехал? Он тебя из пещеры на себе пер, а потом, пока ты в отключке лежал, дежурил рядом, примочки менял. Нехорошо... Извиниться бы надо...

— Он сам нарвался. Весь вечер нарывался. А потом, я правду сказал. Он спросил — я ответил. Так что извиняться мне не за что, а примочки он не мне ставил, а своим будущим находкам. Он знает, что без меня ничто, вот и старался.

— Что?! Может, еще скажешь, что мы тогда из пещеры не тебя тащили, а будущие находки?

— Меня, — спокойно ответил Паук. — но только не ради меня, Коли Паукова, а потому что так надо. Закон такой: помоги товарищу — и товарищ поможет тебе. По-другому в походе нельзя — пропадешь. Так что доблести или героизма тут нет. Необходимость. Долг. Не больше.

Над лагерем повисла напряженная, гнетущая тишина. Произнесенные слова были настолько оглушающе неожиданными, что на мгновение все потеряли дар речи.

— Вот тебе и «спасибо», — произнес Крот, — дождались. Я тебя на себе из шкурника пер! Ночью, по незнакомой пещере! И вот она, благодарность! Дождался. Услышал.

— Это твой долг. За долг не благодарят.

— Да ты оборзел, карась! — взвился Боцман. — Я тебя защищал всегда! Ты, сука, паруса совсем порвал! Я тебя сам за мочу!

Боцман начал грозно приподниматься.

— Ты не меня защищал.

Паук встал и сделал шаг в сторону.

— Ты свое самолюбие защищал. Навроде благотворительности. Тебе же надо, чтобы тебя кто-то слушался. Да не просто слушался, а помогал часть найденного прикарманить.

— Что?! Ах ты, акула аквариумная!

Боцман в один прыжок преодолел расстояние, отделяющее его от Паука, и ударил в челюсть. Вернее, попытался ударить. Паук сделал полшага вправо, повернулся, пропуская удар мимо, и несильно хлопнул Боцмана по уху раскрытой ладонью, выводя его из равновесия. Боцман упал, но тут же вскочил — яростный, с перекошенным ненавистью лицом. В глазах было обещание скорой и жестокой смерти. Паук отступил еще на полшага, избегая захвата. Боцман был намного тяжелее и сильнее Паука, но сила в бою не главное. Пусть он хоть медведям спины ломает! С воином ему не справиться. Паук легко перехватил кисть, дернул, а сам ушел в сторону, подставив ногу. Боцман плашмя рухнул на каменистую землю и покотился на животе, обдирая колени и локти.

Все повскакивали с мест, бросились разнимать. Бригадир подбежал к Боцману. Тот ревел как раненый медведь, сыпал проклятиями. На каждой его руке висело по человеку, но Боцман упорно продвигался к своему обидчику. Паук стоял на месте и с брезгливой гримасой наблюдал за борьбой. Неожиданно сзади на него прыгнул Санек и схватил поперек щуплой груди.

— Попался, крысеныш, — злорадно завопил он.

Паук не стал возражать. Лишь резко дернул головой и затылком заехал Саньку по носу. Потом схватил за рукав и за счет скручивающего движения корпуса бросил противника себе под ноги. Однако добивать не стал. Тот попробовал вскочить, но Паук сделал резкий шаг вперед и ногой толкнул его под опорное колено. Санек неуклюже завалился на спину.

— Лежи, червяк, — жестко сказал Паук, — целее будешь.

— Уходи, — крикнул практически в ухо подскочивший Бригадир, отталкивая Паука от замершего на спине Санька. — Проваливай! Быстро. Здесь тебе делать нечего.

Паук презрительно усмехнулся, глаза блеснули сталью, он быстро развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал в темноту.

«А ведь бок еще не зажил... Рана беспокоит. Бережется, — мелькнуло в голове у Бригадира, смотрящего вслед удаляющемуся приятелю. — Ногу подволакивает и слишком плотно локоть прижимает. Я бы с такой раной драться не рискнул, прежний Коля Пауков тем более. Кто же ты? Что произошло с тобой, студент?»

Сзади громко орал Боцман. Ругался он яростно, самозабвенно, сыпал яркими сочными образами, как и положено отставному моряку, описывая поведение Паука многоэтажными словесными конструкциями. Тихонько подвывал Санек, угрожая «мерзкому насекомому» сотней различных видов расправы. Молчаливый Каа помогал Саньку выправить разбитый и, возможно, сломанный нос, сочувственно кивая и одобрительно мыча в ответ на наиболее понравившиеся ему предложения. Галдели ребята, успокаивая пострадавших и друг друга. К Бригадиру неслышно подошел Крот.

— Анатолевич, какая муха их всех укусила? — неожиданно спросил он.

— Не знаю, не знаю. Все как с ума посходили. Атмосфера здесь нервная. Факт.

— А что с Пауком? Я его вообще не узнаю. Он в своей жизни хоть раз дрался? Если бы не Боцман, его бы первокурсники ранцами запинали. А тут двоих одной левой отделал. А как смотрит, как говорит. Куда делся тихий, забитый Коля?

Крот немного помолчал и добавил:

— А ты слышал, что он говорит? Прежний Коля так бы ни за что не сказал. Подумать мог, но сказать... Да еще так нагло, зло, продуманно. Будто весь вечер готовился.

— Слышал. Очень хорошо слышал. А знаешь, в его словах что-то есть.

— Ты что, ты его защищаешь?

— Нет, конечно. Он не прав. Жестоко, бесчеловечно, нагло...

— То-то и оно. Он нас всех опустил. В лучших чувствах. Осознанно и цинично. Даже я его сейчас ненавижу.

— Да уж...

— Не знаю, как ты, но мне тяжело с ним дальше будет. Тварь неблагодарная. Больше не бери его в экспедиции.

— Да, сейчас эту рану залечить сложно будет, — задумчиво произнес Бригадир. И добавил тихо, почти про себя: — Но в чем-то он прав, хотя кому это сейчас надо...

ГЛАВА 5

Утром Бригадир застал Паука беззаботно медитирующим на восходящее солнце.

— Привет! Как здоровье? — участливо поинтересовался он.

— Сколько я провалялся? — спросил Паук, не прерывая своего занятия.

— Забыл? Я напому. Ты был без сознания два дня. Потом буянил, потом сутки жрал все подряд. С тушенки со сгущенкой потянуло на подвиги. Ты напал на ребят. Хотел отнять общую добычу, не впервой, кстати. Тебе не дали игрушку. Ты обиделся. Перебрался ото всех подальше и с упоением погрузился в вязкое болото непознанного. Энергию собираешь, духов заклинаешь, наскальной живописью увлекаешься, вон все камни под хохлому расписал. А вчера вечером представление устроил с массовым мордобоем. Парни тебя линчевать хотели. Не нашли. Ты где всю ночь шлялся? В общем, вижу, ты поправился. А парни, между прочим, завал разбирают. Из-за тебя устроенный, кстати. Хорошо, что не погиб никто. Док говорит, что рана у тебя практически затянулась. Силы восстановились. А если судить по тому, сколько ты тут камней натаскал и пирамидок настроил, он прав. Коля, если тебе так нравится территорию расчищать, может, поможешь нам с завалом? Тем более что ты говорил, будто в пещере этой интересные артефакты есть. Ты, кстати, что там видел? Где?

— Значит, уже пять дней, — тихо сказал Паук, не обращая внимания на Бригадира, — пять дней ворота открыты. Плохо.

Потом он резко повернулся к Бригадиру и спросил голосом, не терпящим возражений:

— Завал когда произошел? Там больше никто не пострадал? Смертей не было?

— Типун тебе на язык! Даже думать не моги. Еще раз вслух про смерть произнесешь — я тебе лично дупло запечатаю.

— Остынь. Я не просто так спрашиваю. Мне точно знать надо. Травмы, ранения среди личного состава есть?

Военная терминология, прозвучавшая из уст насквозь гражданского Паука, да еще выданная голосом, привыкшим отдавать приказы, произвела на Бригадира оглушающее действие. Из глубин подсознания выскочили навыки, прочно вбитые туда еще в период армейской службы. Заготовленный ответ почему-то приобрел форму рапорта.

— Докладываю: завал произошел на следующий день. Жертв нет. В лазарете три человека. Пиксель с рукой, Боцман с ногой, Баламут сильно расцарапал плечо.

— Жертв, значит, нет. Это хорошо. Но крови уже вкусили. Плохо.

Он пристально посмотрел на Бригадира и произнес:

— Мне нужен мой кинжал и амулет. Я смогу запечатать вход. Пока смогу.

— Паук, ты, видимо, слишком сильно ударился. Забыл, что я в эту мистику не верю. Завязывай с экстрасенсорикой. Не пугай ребят. Можешь чистить карму, расширять чакры, даже с Тау-Китой по закрытому каналу связываться. Дело твое. Но только тихо и только в палатке, и желательно в спальнике. Чтобы не видел никто и не слышал. У нас и так проблем полно. Пещеру нашли. Она рядом. Кое-что достали. Но то, за чем шли, еще там. А взять не можем. Рабочих рук не хватает. Лазарет забит. Почитай все с легкими травмами ходят. Все нервничают. Даже от летучих мышей шарахаются. Вчера Каа рассказал, что видел в пещере огромную змею. Вылез, весь трясется. Лезть туда категорически отказывается. Да ладно он! Теперь туда никого не загонишь. А тут еще ты со своим карканьем. Так что заруби себе на носу: если услышу хоть слово про магию, пророчества и прочую мистическую муть — я тебя лично свяжу и так оставлю до конца экспедиции. Даже гадить в спальник будешь. Я слов на ветер не бросаю, ты меня знаешь. Уяснил?

— Это ты не уяснил, Бригадир. Я не Коля Пауков. Его уже нет. Вернее, есть, но голоса не имеет. Я его не отпущу, но душу спасти можно. Иначе он присоединится к остальным. Сейчас я здесь. Нож здесь. Они свободны и голодны. Им нужна кровь, они ее возьмут. С ножом и амулетом я смогу их закрыть. Даже в этом теле.

— Я не понял. Ты не Коля, стало быть. А кто?